

зять так, чтобы сразу же привлечь внимание слушателей, заставить их насторожиться.

Вступительная часть речи у Кирилла невелика по объему и немногословна. Обычно он говорил здесь или о празднике, которому слово посвящено, или о себе самом: выражал радость по поводу наступления праздника, приглашал слушателей присоединиться к нему и совместно прославить виновников торжества, высказывал сожаление, что «ум» его бессилён должным образом «хвалу к хвале приложить», даже просил, например в слове седьмом, пророка Захарию облегчить ему задачу — прийти на помощь и положить «начаток» слову.

Это условно-риторическое и во многом традиционное в ораторской прозе содержание Кирилл искусно обогащал новыми вариациями.

Первые строки вступления у него всегда носят подчеркнуто афористический характер. Краткие, строго симметричные по форме и поэтому особо значительные, они звучат, как фанфары, возвещающие о начале торжества: «Велика и ветха сокровища, дивно и радостно откровение, добра и сильна богатства, нескудно ближним даемии дарове»; «Неизмерна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина, ниже сведомо божия смотрения таинство» и т. п.

Избранную для вступления тему он развивал чаще всего не прямо, а косвенно, при помощи развернутого сравнения, в фокусе которого она и получала свою художественную конкретизацию, — сравнения редкого, необычного, построенного на игре отдаленными аналогиями. Такого рода сравнениями он добивался важного художественного результата; они были рассчитаны на то, чтобы заполнить собой условно-риторическую «пустоту» темы и одновременно ошеломить, ослепить слушателей своей неожиданностью, своей яркой живописностью. Праздник он, например, сравнивал с блеском золотой «пленицы» (пленица — головное украшение), украшенной жемчугом и драгоценными камнями; радость по случаю наступления пасхи после скорбных дней страстной недели — с радостью, какую испытывают жена и дети, когда неожиданно из дальнего странствия возвращается домой их муж и отец (в некоторых списках сравнение это отсутствует; видимо, в этом контексте, применительно к пасхе, оно казалось несколько смелым). Слово восьмое, посвященное разоблачившим еретика Ария отцам Никейского собора, свидетельствует, что тема вступления развертывалась Кириллом и на основе двойного сравнения, в данном случае насыщенного образами и фразеологией словесной батальной живописи. Отцы собора здесь сперва сопоставляются с воинами, которые «крепко» бьются за своего «цесаря» и не дают «в брани плещю врагом», а затем — с библейским Авраамом и его доблестными соратниками, одержавшими победу над враждебными ему царями (Бытие, XIV, 14); одно сравнение перерастает в другое, последнее слово первой тирады («ополчишася на еретики святии наши отци. . . , их же число 300 и 18, по числу древняго Авраама») дает начало новой тираде, построенной по иному принципу — уже не столько аналогии, сколько противопоставления («Аврам телесную створи победу видимым воем, а си в духовней содолеша рати. . . , Аврам пять цесарев с силами их погуби. . . , а си вся еретики духовными иссекоша мечи»).

Центральная часть речи у Кирилла Туровского всегда повествовательная. За исключением восьмого слова, в основе которого лежит церковно-исторический сюжет (рассказ о первом вселенском соборе 20 мая 325 г.), все остальные слова в центральной части содержат пересказ того или иного соответствующего празднику евангельского события. Но пересказ особого типа, вольный. Излагая евангельский сюжет, Кирилл тоже подвергал его амплификации — на этот раз сюжетной.